

— Господин Цзянь, уже три четверти шестого часа вечера. Вам лучше вернуться домой.

В огромном императорском саду, перед плотно закрытыми дверями дворца Цидэ, на коленях стоял стройный мужчина в алых чиновничьих одеждах. Судя по всему, он провел здесь уже немало времени. Рядом с ним стоял пожилой евнух, такой же худощавый, с выражением беспомощности на лице. Глядя на чиновника, стоявшего на коленях уже более двух часов, он не выдержал и попытался его уговорить:

— Господин Цзянь... Император не выйдет.

Увидев, что мужчина, которого он назвал господином Цзянем, даже не шелохнулся и выражение его лица осталось таким же непроницаемым, как и два часа назад, евнух вздохнул.

— Прошу вас, главный управляющий Цзян, доложите еще раз, — подняв голову, произнес чиновник в алом.

Цзян Хэ присмотрелся и заметил, что, хотя мужчина старался держаться, на его лбу выступили капли пота. Лицо этого человека нельзя было назвать выдающимся — в глазах управляющего оно было лишь миловидным. Однако в глубине его глаз таилась чистота, редко встречающаяся в мирской суете, что вызывало у старого евнуха невольное уважение.

— Господин Цзянь, подождите немного. Я войду и посмотрю, закончил ли Его Величество свои дела, — не в силах отказать, ответил Цзян Хэ. Он подошел к дверям дворца Цидэ, приоткрыл их и, стараясь ступать как можно тише, вошел внутрь.

— Цзэжань, мы правда не будем обращать на него внимания? — едва Цзян Хэ ступил во внутренние покои, как до его слуха донеслись тяжелое дыхание и приглушенные стоны. Управляющий невольно нахмурился.

Господин Цзянь стоял на коленях, требуя ответа по поводу огромных средств, потраченных императором на обустройство дворца Чжаолань для наложницы Лань. Ирония заключалась в том, что в этот самый момент император предавался утехам с братом этой самой наложницы. Если бы чиновник снаружи узнал об этом, он наверняка обвинил бы регента в том, что тот сбивает правителя с пути истинного.

— Яньсю, не бери в голову. Пусть стоит, если ему так хочется. Этот человек просто невыносим! — голос, доносившийся из глубины покоев, звучал пренебрежительно, но при этом оставался ровным и спокойным, словно происходящее ничуть не сбило дыхание говорящего.

— Цзэжань, его зовут Цзянь Чжи. Ты же знаешь характер старого господина Цзяня, его сын — такой же упрямец, — ответил мягкий голос.

— Яньсю, если ты продолжишь его защищать, я рассержусь, — наигранно возмутился первый

голос.

— Шэнь Цинсюань, отпусти! Если так пойдет и дальше, Цзянь Чжи совсем ноги себе искалечит. Как я потом буду смотреть в глаза своему наставнику? — голос, звучавший до этого мягко, теперь стал резким.

Цзян Хэ услышал шорох одежды, а затем легкие шаги. Когда человек из внутренних покоев отодвинул шелковую занавесь и появился в проеме, Цзян Хэ почтительно склонился:

— Ваше Величество, господин Цзянь все еще стоит на коленях снаружи.

— Этот человек... просто неисправим! — человек, вышедший из-за занавеси, был не кто иной, как нынешний правитель государства Наньнин, Сун Цзывэнь. Даже Цзян Хэ, видевший его бесчисленное количество раз, невольно залюбовался румянцем на лице императора, только что вышедшего из объятий любовника.

Сун Цзывэня скорее можно было назвать ослепительной красавицей, чем правителем. Его глаза, подобные прозрачной воде, всегда излучали чарующую притягательность, а тонкие длинные брови лишь подчеркивали их красоту. Изогнутый нос и нежные губы вызвали желание оберегать его. Неудивительно, что никто из чиновников не пропускал утренние аудиенции — ради одного взгляда на это лицо они были готовы работать без выходных.

— Приказать ему войти? — опустив голову, спросил Цзян Хэ.

— Зачем его звать? Он только и знает, что лезть не в свои дела, — ответил другой мужчина, вышедший следом.

Если Сун Цзывэнь был воплощением женственной красоты, то этот человек выглядел как настоящий воин. От него исходила такая мощь, что у Цзян Хэ даже при одном взгляде на его суровое лицо подкашивались ноги. Казалось, именно он, а не император, является истинным хозяином этой страны.

— Цзэжань, он всего лишь подал на тебя жалобу, не будь с ним так строг. Если он действительно повредит ноги, ты же сам потом будешь себя корить, — Шэнь Цинсюань, которого называли Цзэжанем, улыбнулся Сун Цзывэню так, что, казалось, весь мир вокруг засиял.

— Ладно, пусть входит. Посмотрю я, как он собирается меня обвинять! — в голосе мужчины по-прежнему слышалось раздражение.

— Его доносы я все равно прячу, зачем злиться? Ты же знаешь характер Цзянь Чжи, столько лет прошло, — рассмеялся Сун Цзывэнь. — Ступай вглубь покоев, не хватало еще, чтобы он увидел тебя и снова начал читать нотации. — Он легонько подтолкнул Цзэжана в сторону

внутренних комнат.

— Это ты его избаловал. Попадись он мне в руки, давно бы лишился головы, — проворчал тот, но все же послушно скрылся за занавесью.

— Цзэжань... ты... — когда его вталкивали за полог, Сун Цзывэнь внезапно почувствовал на щеке мимолетный поцелуй и вспыхнул. Хотя это случалось часто, они никогда не целовались в губы. Даже в моменты близости, когда Сун Цзывэнь просил об этом, партнер всегда уклонялся.

Цзян Хэ отвел взгляд, качая головой. Только его господин мог позволить кому-то проявлять такую дерзость. Все вокруг думали, что это третий сын дома Шэнь прислуживает императору ради власти, но никто не знал, что это правитель страны добровольно склоняется перед ним.

— Зови Цзянь Чжи! — придя в себя, сказал Сун Цзывэнь. — Цзян Хэ, помоги ему подняться.

— Слушаюсь.

Управляющий вышел за дверь. Увидев чиновника, он улыбнулся:

— Господин Цзянь, Его Величество приглашает вас войти. — Он склонился и помог мужчине подняться.

— Благодарю, главный управляющий Цзян, — голос чиновника звучал хрипло, но приятно. Цзян Хэ лишь вздохнул: если бы такой голос принадлежал его господину, это было бы куда уместнее. Увы, Цзянь Чжи был далек от изящества покойного наставника Цзянь Пина, и уж тем более не мог сравниться с императором.

— Прошу вас, господин Цзянь!

Войдя во дворец, чиновник, преодолевая боль в онемевших ногах, опустился перед Сун Цзывэнем в стандартный земной поклон. Император с досадой покачал головой: он ведь просил его не церемониться, когда рядом никого нет, но этот человек был неисправим.

Сун Цзывэнь велел принести стул и жестом пригласил чиновника сесть.

— Ваше Величество, вот мое прошение.

<http://bllate.org/book/20960/2126577>